

ГЕОРГИЙ АГАБЕКОВ

СЕКРЕТНАЯ ПОЛИТИКА СТАЛИНА ИСПОВЕДЬ РЕЗИДЕНТА

Мемуары под грифом «секретно»

Георгий Агабеков

**Секретная политика
Сталина. Исповедь резидента**

«Алисторус»

2018

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Агабеков Г. С.

Секретная политика Сталина. Исповедь резидента /
Г. С. Агабеков — «Алисторус», 2018 — (Мемуары под грифом
«секретно»)

ISBN 978-5-907028-45-6

«ОГПУ постарается расправиться со мной при удобном случае. Поживем – увидим...» – так завершил свои воспоминания Георгий Агабеков, высокопоставленный сотрудник советской разведки, который в 1930 году сбежал на Запад. А как еще могла поступить Москва с человеком, который в опубликованных в Западной Европе книгах подробно рассказал о грязных тайнах СССР? Начиная с вторжения в Афганистан в 1929 году, перехвата британской дипломатической почты в Персии, секретных операций в Стамбуле, Сирии, Палестине и Египте и заканчивая высылкой Льва Троцкого и расправой над Яковом Блюмкиным. Несколько лет советские агенты охотились за предателем по всей Европе, пока наконец не ликвидировали его в августе 1937 года – по одной версии, «растерзали» и сбросили в пропасть на границе Испании, по другой – зарезали в Париже, вывезли труп в чемодане и утопили в море. Тело перебежчика так и не было найдено. После него осталась лишь эта книга – сенсационная исповедь беглого резидента, раскрывающая всю подноготную советской разведки и самые опасные секреты Сталина.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-907028-45-6

© Агабеков Г. С., 2018

© Алисторус, 2018

Содержание

Предисловие автора	7
Глава 1. Коммунисты в ЧК	8
Глава 2. Проверка чекистов	12
Глава 3. Агентурное дело «Люся»	15
Глава 4. Суд и расправа в ЧК	19
Глава 5. Сонька «Незолотая Ручка»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Георгий Агабеков
Секретная политика
Сталина. Исповедь резидента

© Агабеков Г. С., 2018

© ООО «ТД Алгоритм», 2018

* * *

Предисловие автора

В середине прошлого года я открыто порвал с ГПУ, где я работал в течение 10 лет беспрерывно. Не будучи уверен, что я останусь в живых после того, как о моем намерении станет известно руководителям ГПУ, я составил записки о деятельности ГПУ во всех странах мира, которые могли быть опубликованы даже после моей смерти. В то время моей основной задачей являлось разрушить, дезорганизовать весь налаженный десятилетием секретный аппарат ГПУ за границей. Для этого нужно было разоблачить весь людской состав секретных агентур, что я и сделал в своих записках, указав почти всех агентов ГПУ во всех странах Востока и Запада, которые мне были известны.

Мои «записки» достигли поставленной цели. Часть агентуры ГПУ была арестована правительствами стран, где они вели свою шпионскую деятельность. С другой же частью ГПУ прервало связи, исходя из принципа разведки: «разоблаченный агент теряет всякую ценность». В аппарате иностранного отдела в Москве вождям ГПУ также пришлось произвести массовые пертурбации. Разоблаченные резиденты ГПУ уже не могли быть использованы для заграничной работы. Их нужно было заменить новыми кадрами. Эта же мера диктовалась тем, что многие резиденты были моими личными друзьями и вожди ГПУ боялись, что, вырвавшись за границу, они могут примкнуть ко мне и дополнить мои разоблачения.

Таким образом, иностранный отдел ГПУ к концу 1930 года, после десятилетней стройки, в течение которой сумел раскинуть густую шпионскую сеть по всему миру, оказался у вдребезги разбитого корыта.

Но жизнь не ждет, и ГПУ приступило к подготовке новых резидентов, которые должны снова начать прясть свою шпионскую сеть по всем странам.

В связи с этим является своевременным разоблачить другую, не менее важную сторону работы ГПУ – комплектование работников ГПУ и методы работы чекистов за границей. Я обещал это сделать в своей предыдущей книге («ГПУ. Записки чекиста», которая была издана в Берлине в 1930 году – прим. ред.), но это мне не удалось по ряду причин, и я стараюсь сдержать свое обещание выпуском настоящей книги. Читатель, я надеюсь, познакомится не только с методами чекистов, но и с психологией самих чекистов и легко их узнает, встретив на своем жизненном пути.

В этой книге, так же как и в первой, я привожу исключительно фактические данные, по которым я готов дать объяснения и нести ответственность перед любым заинтересованным правительством или лицом.

Глава 1. Коммунисты в ЧК

«Товарищи! Класс помещиков и капиталистов у нас уничтожен. Вместо царской России – теперь РСФСР. Власть находится в руках трудящихся, в руках рабочих и крестьян. Мы победили на фронте военном. Авангард пролетариата, коммунистическая партия, призывает всех трудящихся на новый фронт – фронт трудовой: для восстановления страны, разрушенной годами империалистической и гражданской войны...», – монотонно, по складам читал политрук передовицу екатеринбургской газеты «Уральский рабочий»¹ сидящим вокруг него на нарах красноармейцам.

Это был урок политической грамоты – политчас в казармах 210-го батальона войск ВНУС (Внутренней службы)². Стоял ледяной мороз. Казармы, несмотря на то что стояли холода, не отапливались. Не было дров. Красноармейцы ежились в своих рваных шинелях и слушали чтение политрука.

Я, 24-летний юнец, будучи военкомом батальона, расхаживал по помещению своего батальона, подходя то к одной, то к другой группе занимающихся, и следил за занятиями. Мне было холодно, как и всем остальным, и я шагал все чаще и чаще, чтобы отогреть окоченевшие ноги. Прохаживаясь, я с наслаждением думал о конце политчаса, когда я смогу пойти в канцелярию батальона, погреться у маленькой железной печурки и проглотить горячего кипятку, заменяющего чай. Мечты мои прервал голос батальонного писаря, прибежавшего в одной рубахе с разносной книгой в руке.

– Вам срочный пакет из губкома, товарищ комиссар, распишитесь, – обратился он ко мне, передавая разносную книгу с пакетом.

Расписавшись в книге, я вскрыл пакет. «Члену РКП(б) тов. А. Получением сего предлагается Вам немедленно явиться в губком партии РКП(б) к заведующему учраспредом³ тов. ...», – пробежал я письмо. «Зачем это я понадобился в губкоме? Наверно, опять сделать какой-нибудь доклад, а то еще хуже – руководить субботником», – подумал я, пряча отношение в кармане.

Губком помещался недалеко от казарм, и я решил сходить туда до конца занятий и узнать, в чем дело, за десять минут я уже был в губкоме, дождавшись очереди, подошел к заведующему учраспредом и протянул ему письмо.

– А! Тов. А., по постановлению губкома вы направлены в распоряжение губчека, где срочно требуются сотрудники-коммунисты. Списки на вас посланы еще вчера, потому советую вам завтра же с утра явиться в распоряжение губчека, – сказал заведующий и вслед за этим повернулся и начал говорить со следующим посетителем.

Я медленно отошел от него и, выйдя из губкома, направился в казарму. Занятия шли к концу, но они меня уже перестали интересовать. Я даже забыл о предстоящем горячем кипятке.

---

¹ «Уральский рабочий» – орган Свердловского обкома и горкома КПСС, областного и городского Советов. Издавался с 1 февраля 1907 г. под названием «Рабочий».

² Войска ВНУС (Войска внутренней службы) – специальные воинские формирования, выполнявшие задачи по охране тыла в РСФСР с 1920 г. Были созданы постановлением Совета труда и обороны от 1 сентября 1920 г. В их состав вошли войска ВОХР (Войска внутренней охраны республики), караульные части, войска обороны железнодорожной прифронтовой полосы, транспортная (железнодорожная и водная) милиция. Войска ВНУС находились в подчинении НКВД и главкома Вооруженных Сил. Высшим органом их управления являлся штаб Войск ВНУС во главе с командующим. Войска ВНУС включали 363 формирования, дислоцировавшихся в 9 военных округах на 3 фронтах, 17 железных дорогах и в 2 водных областях. К концу 1920 г. численность Войск ВНУС составляла 360 тыс. человек (14 дивизий и 18 бригад). Они охраняли пути сообщения, наиболее важные предприятия, склады, учреждения связи и другие объекты, вели борьбу с бандитизмом. Постановлением СТО от 24 ноября 1920 г. на них была возложена также охрана государственных границ. 19 января 1921 г. Войска ВНУС, из состава которых были выведены войска ВЧК, железнодорожная и водная милиция, постановлением СТО были переданы в военное ведомство.

³ Заведующий учраспредом – заведующий отделом по учету и распределению кадров губкома партии.

Я мог думать только о том, что с завтрашнего дня я буду сотрудником ЧК, о которой много слышал как о беспощадном органе диктатуры пролетариата, не знающем пощады к врагам революции.

О которой все население пело частушку:

Ой, яблочко, куда катишься,
В губчека попадешь, не воротишься...

С завтрашнего дня я буду называться чекистом. У меня мелькнула мысль: «А что я там буду делать? Ведь я, в сущности, только старый солдат, несмотря на 24 года, и ничего, кроме войны, не знаю. Может, мне поручат расстреливать приговоренных? Ведь там, говорят, расстреливают десятками каждую неделю. Нет, я на такое дело не пойду. Да и зачем им брать на такую работу военкома батальона? А, впрочем, завтра увидим!»

К 9 часам следующего утра я уже подходил к зданию ЧК, помещавшемуся на Пушкинской улице. Широкое двухэтажное деревянное здание. У входа стоит часовой-красноармеец, вооруженный винтовкой, револьвером и шашкой. Я медленно направляюсь ко входу.

– Пропуск, товарищ! – спрашивает часовой у меня.

– У меня еще нет пропуска, я только что назначен в ЧК, – отвечаю я неуверенным голосом.

– Третья парадная налево, в комендатуру. Там спроси пропуск, – указывает мне часовой.

Подхожу к комендатуре. Дверь наверх, и рядом ворота во двор. Снова часовые у двери и у ворот. Ниже слышны какие-то смутные голоса. Я посмотрел вниз и увидел узкие решетки подвальных окон, полузамерзших от мороза. В просветах видны людские головы. «Это, наверное, подвал губчека», – думаю я и, отвернувшись, быстро вхожу в комендатуру. Длинная комната, разделенная деревянной перегородкой с маленькими оконцами. Я просунул свой мандат и партийный билет в одно из окошек. Через пару минут высунувшаяся рука возвратила мне бумагу и пропуск.

– 2-й этаж, комната 8, к тов. Корякову, – дал мне указание дежурный комендант.

Я возвратился с пропуском к большому зданию. Часовой, осмотрев пропуск, пропустил меня, и я прямо по лестнице поднялся на второй этаж. Перед дверьми стоял второй часовой, уже только с одним револьвером. Он также проверил пропуск и пропустил меня за дверь. Я вошел в узкий коридор, освещенный электрической лампочкой. По бокам коридора – двери с номерами. Налево я заметил № 8 и подошел к нужной мне двери. «Уполномоченный по борьбе с контрреволюцией», – читаю я на двери. Значит, сюда. «Входи», – слышу голос на мой стук и, открыв дверь, вхожу. Маленькая, не более 5 кв. метров, комната. У окна письменный стол, в одном углу небольшой несгораемый шкаф, какой-то деревянный шкаф с бумагами и несколько кожаных кресел. На стене висят портреты Ленина и Дзержинского; за письменным столом сидел парень лет 26 с папашкой на голове, из-под которой выбивались светлые волосы. Полушубок из оленьей кожи и кольт, висевший на ремне через плечо. Он что-то писал.

– В чем дело, товарищ? – спросил он, мельком взглянув на меня и продолжая писать. Я начал рассказывать о своем назначении в ЧК и одновременно разглядывал каракули, которые он старательно выводил на бумаге. Вдруг, не дав мне закончить, внезапно оторвался от бумаги и подскочил к окну.

– Пойди сюда! Смотри! – подозвал он меня. – Видишь того буржуя в черной шубе? – спросил он. Я посмотрел в указанном им направлении и увидел человека, одетого в черное, проходившего по противоположному тротуару.

– Вижу, – ответил я.

– Беги за ним и проследи, что он будет делать сегодня до 12 часов ночи. Завтра придешь в это время и письменно доложишь о своих наблюдениях, – прибавил он.

– Да, но я командирован... – начал было я.

– Засохни и брось свои комиссарские привычки заниматься демагогией. Делай, что приказывают, товарищ! – скомандовал он.

Я подумал, что, пока я буду спорить, человек на улице уйдет, и я его потом не найду. Взяв свой пропуск, я стремительно выбежал из комнаты и бросился из здания.

– Стой, товарищ! Пропуск! – остановил меня часовой, загораживая дорогу штыком.

Я подал ему пропуск. Он не спеша, внимательно осмотрел бумажку и насадил ее на штык.

– Проходи!

И я стремглав полетел за человеком в черном. Догнал на углу и, обогнав, заглянул ему в лицо. Это был человек средних лет, с типичным русским лицом. Серые глаза, светлые усы и борода. Одет он был в черного меха шапку и в черную же поповскую шубу с енотовым воротом. Он шел спокойными шагами, не обращая на меня никакого внимания. Но я вдруг вспомнил кучу прочитанных мною детективных романов, где, как правило, шпики следили за своими жертвами незаметно для них, и так же, чтобы не быть замеченным своим объектом, несколько отстал от него, а затем даже перешел на противоположную сторону улицы. Так мы шли минут пять. Черное пальто, дойдя до здания коммунального хозяйства, вошло туда. Спустя минуту я зашел вслед за ним. Я нашел мой объект в коридоре, разговаривающим с другими посетителями, которые, обращаясь к нему, называли его «товарищ заведующий». Так это был заведующий коммунальным хозяйством, который с утра шел к себе на службу, и, вероятно, он пробудет здесь до конца занятий. Так оно и оказалось. Он направился к себе в кабинет и больше не выходил. Мне ничего не оставалось, как ждать. Я бродил вокруг этого учреждения до 4 часов дня. В четыре заведующий вышел со службы и пошел к себе домой. Следя за ним, я также пришел к его дому и зашел к председателю домкома, где я узнал фамилию моего объекта, его семейное положение и прочие мелочи. Покончив с этим, я опять стал ждать, но так и не дождался выхода моего «буржуя». Он, видимо, был добрый семьянин и сидел в кругу своей семьи. Я же, как проклятый, ждал его до 12 часов ночи на морозе, не евши. В полночь я, оочевенный, проклиная свою новую службу, вернулся к себе на квартиру.

На следующий день я опять очутился в губчека в комнате № 8. Там я застал, кроме вчерашнего субъекта, еще одного. Среднего роста, добродушного вида, с круглым, румяным лицом и опущенными по-крестьянски вниз усами, он сидел по другую сторону письменного стола, в пиджаке, одетом на русскую рубаху.

– А, здорово, товарищ! Ну, как дела? – обратился ко мне мой вчерашний знакомый.

Вместо ответа я подал ему приготовленный рапорт о моих вчерашних наблюдениях. Взяв бумажку, он, не читая, бросил ее на стол и обратился к человеку в пиджаке:

– Вот, товарищ Коряков, губком прислал нам нового работника. Парень ничего, шустрый.

Я поздоровался с Коряковым. Это и был уполномоченный по борьбе с контрреволюцией. Ознакомившись с моими бумагами, Коряков открыл ящик стола и извлек несколько листов бумаги.

– Вот, товарищ А., заполните эти две анкеты, напишите свою автобиографию и подпишите подписку. Вы будете моим помощником по секретной агентуре. Садитесь здесь к столу и пишите, – сказал Коряков, подавая мне бумаги.

Я взял подписку и начал читать:

«Я... сотрудник Екатеринбургской губчека, обязуюсь выполнять все распоряжения ВЧК и ее органов. Обязуюсь сообщать обо всем слышанном и замеченном, могущем принести вред советской власти, своим ближайшим начальникам. Все мне известное по работе в органах ЧК обязуюсь хранить в строгой тайне. В противном случае я буду подвергнут высшей мере наказания – расстрелу».

Я написал автобиографию, заполнил анкеты и расписку. Коряков, взяв бумаги, аккуратно вложил их в папку, на которой старательно вывел: «Личное дело сотрудника ВЧК Агабекова».

И так же аккуратно, открыв несгораемый шкаф, положил эту папку на пачку других такого же рода.

Так я был принят в ЧК. Отныне я должен быть чекистом. Должен смотреть, слушать и доносить. Сегодня коммунист, а завтра чекист. Какая разница! Ленин сказал, что каждый коммунист должен быть чекистом.

Глава 2. Проверка чекистов

Это было месяц спустя, после того как я был назначен в губчека. Благодаря моей, сравнительно с другими, грамотности мне поручались все более крупные дела. Однажды вечером я был срочно вызван уполномоченным Коряковым.

– Вот, товарищ А. ...Имеется очень опасное и ответственное дело, которое я хочу поручить вам. Дело в том, что вчера ночью наши агенты задержали подозрительное лицо, которое, по агентурным данным, ехало на какой-то тайный съезд в Екатеринбург. При обыске у него обнаружен клочок бумаги с адресом одного лица, живущего здесь, в Екатеринбурге, и пароль «Сибирь – тезка Уралу». На допросе он отказался отвечать на вопросы, видимо, чтобы оттянуть время и дать возможность организации замести следы. Поэтому мы решили послать по обнаруженному адресу нашего человека с найденным паролем, дабы скорей выяснить, в чем дело. Вы не побоитесь принять эту задачу на себя? – спросил он.

– Нет, конечно, – ответил я, – но я бы хотел знать больше подробностей о задержанном лице, чтобы не попасть впросак.

– Других данных, кроме того что я сказал, нет. При нем же найден еще железнодорожный билет, из которого видно, что он ехал из Томска. Вот и все. Кстати, имеете ли вы револьвер?

– Да, наган всегда при мне, – ответил я.

– Так и прекрасно, товарищ! Вот вам адрес и пароль. Идите туда сейчас же, а завтра доложите мне о результатах.

Я вышел из ЧК и направился по указанному адресу. Нужная улица находилась где-то у пруда за городом. После долгих поисков я нашел номер дома и остановился перед маленькой калиткой. Предварительно проверив револьвер, я постучал. Дверь открыла пожилая женщина.

– Здесь живет гражданин П.? – спросил я.

– Да. Пожалуйста, входите, – любезно пригласила она.

Я поднялся по лестнице за женщиной, которая проводила меня в комнату и, попросив подождать, вышла.

В ожидании я разглядывал комнату. Единственное окно во двор. Скромная мебель. Стол, над которым висит большое зеркало. На стенах картины. Среди них я вижу портрет Карла Маркса. «Странно, – подумал я, – зачем у контрреволюционера висит Маркс? Наверно, чтобы лучше себя замаскировать», – ответил я сам же на свой вопрос.

В это время вошел высокий, здоровенный мужчина с чисто бритым лицом, одетый в сюртук. Войдя, он вопросительно посмотрел на меня. Я, так же ни слова не говоря, протянул ему написанный на клочке бумаги пароль. Рука невольно крепче сжала рукоятку нагана в кармане шинели.

– А, наконец-то вы приехали. А мы вас ждали раньше. Что так задержались? – спросил он, держа в руках пароль.

– Трудно было с устройством документов, да и поезда сейчас, сами знаете, как ходят, – ответил я.

– Да, да! Ну, ладно, давайте выйдем прогуляться и потолкуем на свежем воздухе, – предложил он, надевая шубу.

Застегнувшись, он повернулся ко мне спиной и что-то шарил в кармане. Я взглянул в зеркало и увидел, что он перекладывает браунинг из кармана брюк в пальто.

Невольная дрожь пробежала по моему телу. Что, если он угадал, что я не тот, за кого себя выдаю? Что, если он меня пристрелит здесь, на окраине города, и концы в воду?..

Мы вышли вместе. Мой спутник предложил пройти к чернеющему недалеко лесочку.

– Нет, уединяться опаснее, – возразил я, – лучше будем ходить по главным улицам. Меньше подозрений.

А сам думал: «На главных улицах он не посмеет стрелять».

Он не возражал. Мы пошли по направлению к городу.

По ходу он задавал вопросы о состоянии «нашей организации» в Томске, о настроении членов партии, об отношении к нам населения и т. д. Я ему что-то плел, стараясь не дать ему возможность меня расшифровать.

В свою очередь, я начал расспрашивать о состоянии организации в Екатеринбурге.

– О, у нас здесь, видимо, поставлена работа лучше, чем у вас. Мы имеем мощную организацию. Много наших членов среди армии и даже в коммунистической партии. Оружия сколько угодно. Так что если будет постановление съезда, то скоро можно будет начать выступление против Советов. Да, кстати, – продолжал он, – вы приготовили тезисы вашего доклада на съезде?

– Нет еще, я вообще боюсь держать у себя что-либо компрометирующее, – ответил я, а сам подумал: «однако дело серьезное; собирается какой-то съезд».

– Приготовьте тезисы к съезду и передайте их мне послезавтра вечером при новой встрече, – предложил он мне.

Погуляв еще немного, мы попрощались. Я поплутал немного по улицам, дабы убедиться, что за мной нет наблюдения, и затем поспешил домой.

На следующее утро я сделал подробный доклад Корякову о своей встрече и беседе.

– Прекрасно, продолжайте, – сказал Коряков, потирая руки. – Я заготовлю тезисы к завтрашнему дню, вы их передадите ему.

В назначенный вечер я пришел на место свидания раньше времени.

Тезисы доклада лежали у меня в кармане. Я расхаживал по мерзлому снегу, чтобы согреться и не подавать вида прохожим, что я кого-то жду.

В условный час подкатили прекрасные сани, из которых вышел ожидаемый мною человек. На этот раз он был одет в военную форму. На нем была прекрасно сшитая кавалерийского образца шинель и буденовка с большой красной звездой. Он быстро подошел ко мне.

– Я очень тороплюсь. Послезавтра состоится съезд всех делегатов. У меня масса работы по организации съезда. Давайте ваши тезисы. Вам нужно послезавтра в 9 часов вечера быть у городского театра. Сперва проедет мотоциклетка, а за ней следом будет идти автомобиль, который остановится около вас. Вы подойдете к шоферу и скажете пароль: «Светло», на что он ответит: «Но холодно». Тогда спокойно садитесь в машину, и вас доставят на съезд.

Я не успел ничего ответить, как он вскочил в сани и помчался дальше. «Сведения чрезвычайно важные. Я должен их сообщить немедленно», – решил я и, несмотря на поздний час, направился прямо в губчека.

Корякова не было. Он где-то на операции, иначе говоря, производил обыск и арест. Я решил пойти к самому начальнику секретно-оперативной части ЧК Хромцову и доложить обо всем.

– Войдите! – ответил голос на мой стук в дверь. Я вошел. Большая комната. На полу ковры. У стены за громадным письменным столом сидит Хромцов. Лет под 40, с бритым полукруглым лицом, хитро бегающими зеленоватыми глазками. Стриженная голова с лысиной. Перед ним на столе куча бумаг. Настольная лампа, пара револьверов и колбаса с хлебом. На стене за его спиной висят несколько нагаек. Это и был Хромцов, одно имя которого наводило ужас на арестованных в губчека.

– В чем дело, товарищ? – обратился он ко мне, одновременно уплетая колбасу.

Настроение у него, как видно, было хорошее. Я ему рассказал подробно о своей встрече и о готовившемся съезде контрреволюционеров.

– Хорошо, до завтра времени еще хватит разделаться с этой бандой. Доложите завтра утром Корякову, и он примет меры, – сказал он и, поднявшись, направился к шкафчику у стены.

Я, считая разговор законченным, повернулся и пошел к дверям.

– Подожди, – окрикнул меня Хромцов, открывая шкафчик. – Хочешь выпить? – спросил он меня, доставая из шкафа бутылку со спиртом. Я согласился. Хромцов налил чайный стакан и залпом выпил. Наполнив вторично, он передал мне. Я не пил. Долгое время, кроме того, я не кушал в этот день. Спирт ударил мне в голову; я зашатался.

– Что, слаб ты, я вижу, по этой части? – сказал Хромцов, ухмыляясь. – На, закуси, пройдет. – И он мне передал хлеба и колбасы.

Я вышел из ЧК поздно. Лунная, морозная январская ночь. Снег хрустел мягко под валенками, а выпитый спирт разливал теплоту по всему телу. На душе так же хорошо. Я выполнил долг коммуниста-революционера. Я раскрыл контрреволюционный заговор.

На следующее утро я пришел на службу с приготовленным подробным рапортом о вчерашних похождениях. Не успел я открыть дверь комнаты № 8, как дружный хохот встретил меня. Не понимая, в чем дело, обвел взглядом комнату, и – о, ужас: за столом напротив Корякова сидел мой таинственный «организатор съезда», усмехался.

– Вот, познакомься, – продолжая смеяться, обращался ко мне Коряков. – Это мой другой помощник по секретной агентуре. Видишь ли, мы просто организовали твою эту историю, чтобы посмотреть, как ты будешь держаться и чем вообще дышишь. А теперь давай примемся взаправду за работу по борьбе с контрреволюцией.

Так проверяли и проверяют преданность молодых чекистов.

Глава 3. Агентурное дело «Люся»

На окраине города Екатеринбурга большой участок земли, обнесенный высокой древней стеной. Внутри ограды несколько старых и новых крепких построек и обширная церковь. Двор разбит на дорожки, обсаженные деревьями, выглядевшими такими же древними и крепкими, как и постройки. Эта усадьба до революции была отведена под женский монастырь.

Ныне монашенки в большинстве разбежались, а оставшиеся несколько старушек переселились в маленький флигелек и промышляют обшиванием золотом знамен Советов.

В главном же здании был размещен кавалерийский полк, а церковь была обращена в клуб для красноармейцев.

Иконы и другая церковная утварь были вынесены на чердак и брошены на произвол судьбы. Стояла зима, не было дров, и красноармейцы рубили деревья на дворе монастыря, оголяя аллеи, несмотря на то что рядом за оградой начинался лес. Иконы же и другую утварь брали для разжигания сырых дров.

В одном из монастырских флигелей жили люди, не имевшие никакого отношения ни к монастырю, ни к красноармейцам. Это были главным образом мелкие советские служащие, о коих никто не заботился, или же люди, выгнанные реквизицией из своих домов и не нашедшие другого жилья, как эти старые маленькие комнатки, служившие, видимо, кельями прежним обитательницам.

В этом же флигеле жила молодая девушка Люся с маленьким братом. Потерявшая во время Гражданской войны родителей, она служила в каком-то советском учреждении и содержала себя и брата.

Не помню, как и где я с ней познакомился, но она мне понравилась своим энергичным, сильным и бойким характером. Я, видимо, так же не был ей безразличен, поэтому я часто проводил в ее крохотной комнатке свои свободные вечера.

По своей работе в губчека я имел задание вербовать секретных агентов во всех слоях населения, подходящих для информационной работы. И я решил завербовать Люсю. Я хотел этого не потому, что она могла быть полезна чем-либо, а лишь потому, что я видел ее нужду, доходившую до голода. Ведь она получала 3/4 фунта хлеба в день на двоих. Устроив же ее в число секретных информаторов, я мог бы выписывать для нее усиленный паек продовольствия из обильных запасов ЧК.

Однако в беседах с ней я не знал, как лучше приступить к этой щекотливой теме, и часто сидел в задумчивости.

– Что ты все думаешь? – как-то спросила Люся в один из таких моментов.

– Да так, дела, – ответил я уклончиво.

– Я вообще замечая, что ты в последнее время что-то много думаешь. К чему-то готовишься. Поделись со мной, скажи, в чем дело? – продолжала она.

– Ах, что говорить! Все равно ведь не сможешь помочь!

– А может быть, и смогу. Я ведь не такая уж дура, говори, в чем дело. Заговор какой-нибудь, что ли? – спросила она с любопытством.

Тогда я решился раскрыть перед ней карты и предложить работать для ЧК. Но прежде чем я начал свою речь на эту тему, я как-то машинально спросил:

– Скажи, Люся, кого ты больше любишь, белых ли красных?

– Как тебе сказать, – задумчиво ответила она, – к белым я отношусь равнодушно, а красных я ненавижу всей душой.

Я был огорошен искренностью ее ответа. Значит, она должна ненавидеть меня. Хорошо, что она не знает, что я тоже коммунист, тем более – чекист.

Я молчал. Я не мог больше и думать о вербовке ее в информаторы ЧК.

– Скажи, верно ли я угадала, что ты подготавливаешь восстание. Я ведь тоже могу помочь в этом деле, – продолжала она.

– А чем ты могла бы помочь? – задал я вопрос.

– А что нужно?! Я же не знаю. Скажи, что нужно прислать? – приставала она.

– Ну, что бывает нужно для восстания? – уже равнодушно говорю я. – Конечно, люди, деньги и оружие.

– Я могу помочь тебе людьми, – вдруг выпалила она.

– Как, какими людьми? – в тревоге спросил я.

– Видишь ли, – начала она, – здесь в лесах сейчас скрывается очень много красноармейцев-дезертиров, это в большинстве крестьяне из окрестных деревень, их мобилизовали в армию и хотели отправить на польский фронт, а в то же время их хозяйства подвергают всевозможным реквизициям. Узнав об этом, они убежали со службы и скрываются в лесу. Я их часто встречаю, так как их семьи приносят для них хлеб сюда, а я уже передаю им в лес. Ах! Если бы ты слышал, что рассказывают они и их семьи о коммунистах! Ты бы их так же возненавидел, как я, – продолжала она. – Их сейчас в лесу около 50 человек. Они хотят подобрать еще человек 50, достать оружие и начать партизанскую войну против большевиков.

Я сидел ошеломленный и слушал. Оказывается? тут у меня под боком организовывается банда для борьбы с советской властью. Я чекист и поэтому должен немедленно доложить об этом в ЧК. Я должен раскрыть и арестовать эту группу. Да, но Люся! Как быть с ней! Что будет с ней, если я донесу? Ведь ее тоже арестуют. Мало того, возможно, что и расстреляют. А ведь она же не знала, кому доверилась! Наконец, она мне нравится, может быть, даже я ее люблю. Что делать?

– Ну, что же ты молчишь? – оборвала Люся мои мысли. – Хочешь, я познакомлю тебя с ними?

– Подожди, посмотри, нужно подумать, – ответил я. Я больше не мог сидеть в ее комнате. Я должен уйти и в самом деле подумать. Немного спустя я попрощался и вышел из монастыря на улицу.

Уже ночь. До дома далеко – километра два. Холодный ледяной ветер поднимает снежную пыль и носит ее по пустынным улицам. Я шел и, не чувствуя холода, по привычке кутался в шинель. Шел и обдумывал только что слышанное. Докладить в ЧК или нет? Чувство долга боролось с чувством к женщине, к человеку. Мысли в голове путались. Ах, если бы можно было с кем-нибудь посоветоваться, поделиться. Но с кем? Чем я гарантирован от того, что мои друзья также не работают для ЧК? Даже Люся. Не второе ли это испытание со стороны ЧК?! Я лег спать, не придя к какому-либо решению.

Утром, как обычно, я пришел на службу в ЧК. Поздоровавшись, я занял свое место и, раскладывая бумаги, посмотрел в сторону уполномоченного Корякова. Он также смотрел на меня ласковым, немного смеющимся лицом. Точно он знал о моем вчерашнем приключении. Знал о моем душевном состоянии и подбадривал меня своей улыбкой.

Это был момент, когда я почувствовал, что вопрос для меня решен. Я должен немедленно сообщить ему о дезертирах. Я чувствовал, что я должен принести в жертву не только Люсю и свои чувства к ней, но, если потребуется, и самого себя. Ведь на то я коммунист-чекист, призванный защищать революционные завоевания пролетариата.

– Товарищ Коряков, у меня к вам важное дело, – сказал я, подсаживаясь к нему. И я пересказал ему мой разговор с Люсей во всех подробностях.

– Хорошо, напиши рапорт и заведи агентурное дело. Приготовь все к 12 часам, чтобы я успел доложить Хромцову.

Я написал рапорт и, подписав его, вложил в папку, на которой большими буквами вывел: «Агентурное дело, дезертиры, кличка “Люся”».

Коряков вернулся с доклада улыбающийся и довольный.

– Тебе придется разрабатывать это дело дальше, пусть их соберется побольше. За это время постарайся установить с ними связь и выясни точное место их пребывания, их намерения и, главное, нет ли у них связи с контрреволюционными партиями, – приказал Корякин, возвращая дело.

– Слушаю, – ответил я.

Вечером я опять у Люси. На этот раз я уже сам заводил ее на разговор о дезертирах.

– Да вот двое из них скоро придут сюда. Если ты хочешь, я тебя познакомлю с ними, – предложила она.

Я с равнодушным видом согласился.

Спустя короткое время пришли дезертиры. Молодые крестьянские парни, одетые в черные деревенские полушубки и меховые шапки. Только американские ботинки и обмотки напоминали об их пребывании в армии.

Мы сидим за столом, пьем морковный чай без сахара и беседуем. Они мне сразу доверились. Живут они в лесу на заброшенной лесопилке. Жизнь опасная и нелегкая. В свои деревни показаться не смеют. Ненавидят комбеды, которые разорили их хозяйства в деревне, решили бороться с большевиками.

– Вот только плохо с оружием, – говорит один. – У нас всего три винтовки. Добиваемся оружия. Как только пополнимся, так начнем бить большевиков. Может быть, вы поможете достать оружие? – спросил он меня. Я ответил, что оружие, может быть, я сумею добыть из воинской части, где я служу.

– Но я боюсь, что у вас может оказаться шпион, который потом меня и выдаст, – добавил я.

– Да что вы. Там все наши ребята. Вот приходите к нам – и увидите сами, что за ребята, – пригласили они.

И мы тут же условились, что в следующее воскресенье они опять придут сюда за продуктами и поведут меня лес показать своих ребят.

Закинув мешки с сухарями за плечи, они ушли.

Уже спускались сумерки, когда в следующее воскресенье я вышел из монастыря в сопровождении знакомых дезертиров. Выйдя за ограду, мы направились к опушке леса. Долго мы шли вдоль опушки, пока, наконец, не свернули в лес и пошли по протоптанной снежной тропинке. Кругом стоял высокий стройный сосновый лес. Тишина. Я шел за быстро идущими спутниками. Прошли, наверное, около двух верст вглубь леса. Внезапно из темноты раздался голос:

– Кто идет?

– Свои, братишка, – разом ответили мои спутники. Из-за дерева вышел молодой мужик с винтовкой и подошел к нам. Обменявшись с ним несколькими фразами, мы пошли дальше, а часовой опять направился к своему посту.

Еще шагов двести, и среди деревьев промелькнул огонек. Наконец, открылась широкая поляна, на которой я увидел несколько развалившихся строений. В одном из них светился огонь и слышались голоса. Мы направились на огонь. Это был длинный дощатый сарай. Посередине ярко топилась печка-буржуйка, на которой что-то варилось. Вокруг печки, расположившись прямо на полу в полушубках и шинелях, человек двадцать грелись и беседовали. Были видны люди, лежавшие и вдали от огня. Сарай освещался толстой вагонной свечой, воткнутой в бутылку, стоявшую на подоконнике. Окна были забиты наглухо досками.

При нашем входе разговоры смолкли. Меня пропустили ближе к печке.

– Так вот, братишка, видишь, как живем, – обратился ко мне мужчина лет 35 с длинными унтерскими усами, закрученными кверху. – Вот дожили до власти народной, а народ-то, вишь, от своей власти в лесу прячется.

Постепенно все разговорились. Все жаловались и проклинали советскую власть, которая оказалась не лучше царской. Каждый приводил десятки примеров действия властей, которые разорили дочиста хозяйства крестьян.

После двухчасовой беседы я ушел, обещавшись помочь, чем смогу. До опушки леса меня провожали мои старые друзья.

Через неделю я еще раз пришел к своим «милым братьям» и принес им три берданки, которые было решено на заседании губчека передать дезертирам, чтобы укрепить их доверие ко мне. Прошло еще дней десять после этого, как однажды Коряков, вернувшись с докладом от Хромцова, сказал:

– Хромцов приказал сегодня ночью ликвидировать банду. Нужно также арестовать девицу. Операция назначена на 12 часов ночи. Ты возьмешь двух комиссаров и покажешь точно, где живет девица, а с дезертирами мы разделаемся сами.

В 11 часов того же вечера я с двумя комиссарами шел в монастырь. Пробравшись потихоньку по двору, подошли к флигелю, и я, оставив своих спутников дежурить, вошел к Люсе. Она, ничего не подозревая, приготавливала постель. Долго сидеть у нее я не мог. Что-то щемило в душе. Я представлял ее маленькое лицо через час, когда придут за ней комиссары с наганами. В последний раз оглянув комнату и попрощавшись, я поспешно вышел. Недалеко от флигеля прохаживались комиссары, ожидая условного часа.

Мне больше нечего было делать. Я пошел домой и лег в постель. Но я не мог уснуть. Я все время смотрел на часы и представлял себе, что делается в лесу и в монастыре. Сегодня все они будут ночевать в подвале губчека. Это была моя первая работа. Я не мог заснуть до утра.

Никакие доводы о долге коммуниста, о защите революции не давали успокоения. Перед глазами стояло лицо Люси, с укором взирающее на меня.

Глава 4. Суд и расправа в ЧК

Большая комната в два окна, на которых висят полуспущенные шторы. Комната обставлена мебелью, обитой коричневой кожей. Два громадных роскошных письменных стола, покрытых малиновым сукном. На одном из них стоят два телефонных аппарата. На стенах висят портреты Ленина и Троцкого. Дверь занавешена желтой портьерой и обита войлоком и кожей, делающей ее звуконепроницаемой. Это кабинет председателя губчека Тунгускова.

Идет заседание коллегии губчека. За столом сидят Тунгусков, напротив него в креслах начсоч⁴ Хромцов и член коллегии Штальберг. Перед каждым из них листы чистой бумаги и список дел, подлежащих рассмотрению. За другим столом сидит старший следователь губчека Рабинович с грудой папок на столе, которые он нервно и торопливо перебирает.

Тунгусков – старый матрос, одетый и сейчас в матросскую форму, с впалыми щеками и выбитыми зубами, бритый, с редкими волосами, зачесанными назад. Вертит в руках цветной карандаш и просматривает московские газеты. Хромцов с опухшим от пьянства и бессонных ночей лицом, на котором выделяются маленькие, заплывшие хитрые глаза, развалившись в кресле, о чем-то оживленно спорит с рядом сидящей Штальберг. Это молодая, не более 25 лет, женщина с упрямым выражением лица, со светлыми, коротко стриженными волосами и серыми мертвыми глазами. Это и есть Штальберг, третий член коллегии губчека, наиболее бессердечный. Она иногда не только приговаривает к расстрелу, но и сама приводит приговор в исполнение.

– Ну, товарищи, заседание объявляю открытым. Товарищ Рабинович, начинайте доклад, – обратился Тунгусков к следователю, откладывая газеты.

Следователь взял первую папку и, вынув из нее лист бумаги с резюме дела, начал вслух читать; заканчивает он обычными словами: «Принимая во внимание вышеизложенное, полагаю применить высшую меру наказания – расстрелять».

Члены коллегии слушают следователя вяло или почти не слушают. Ведь это все уже согласовано до заседания.

– Есть какие-нибудь возражения, вопросы? – спросил Тунгусков.

Молчание.

– Утвердить, – пробормотал Тунгусков в сторону следователя и поставил цветным карандашом крестик рядом с фамилией, дело которой слушалось.

Следователь также сделал пометку на постановлении и, отложив первую папку, сейчас же начал читать следующее дело. Он торопится. Чем больше дел рассмотрят, тем лучше. Нужно скорей разгрузить подвал с арестованными и дать место новым... врагам революции. А времени так мало. Всего два часа заседает коллегия.

Наконец, заседание закончено. Следователь передал постановления членам тройки на подпись. Все, расписавшись, спешно разошлись. У каждого из них накопилось за эти два часа много новых дел.

Собрав бумаги, вышел за ними и следователь. Усталой походкой пройдя к себе в кабинет, бросил папки на стол и вызвал по телефону коменданта губчека.

Через несколько минут вошел комендант Попов, он высокий, широкоплечий детина, с рыжими, закрученными кверху усами. Он выглядит еще выше и здоровее рядом с маленьким и щуплым Рабиновичем, одет он в черный кожаный костюм. Через плечо на ремне висит наган. На груди приколоты большая звезда и красный бант.

– Ну как, работы много будет сегодня, тов. Рабинович? – спросил он, войдя в комнату следователя.

---

⁴ Начсоч – начальник секретно-оперативной части.

– 14 человек, – ответил Рабинович, передавая список коменданту. Комендант, покручивая усы, просмотрел список, не спеша сложил лист вчетверо и засунул в верхний карман кожаной куртки.

– Остальных шесть человек отправьте сегодня же в исправдом, – добавил следователь.

– Есть, – ответил комендант по-морскому, поправляя наган на ремне, и, повернувшись, ушел через внутреннюю дверь в комендатуру.

Большое полуподвальное помещение под комендатурой губчека. Саженой тридцать, не больше. Помещение разгорожено деревянными перегородками на три места. Никакого оборудования и мебели, если не считать электрических лампочек под потолком каждого отделения да парашек. Узкие в решетках окна выходят на улицу. Кое-где в окнах стекла выбиты и двери затянуты тряпьем или старым войлоком. Деревянный пол, отопления никакого. Да оно и не нужно, и без того душно, две двери ведут: одна – во двор, а другая – прямо в комендатуру. За запертыми дверями стоят часовые и смотрят через просверленный глазок внутрь помещения. Это и есть знаменитый подвал губчека.

Глубокая ночь. При свете электричества вповалку на полу, на своих мешках, шубах, а то и просто подложив под голову шапку, спят тревожным сном около 100 человек. Это арестованные. Тела покрывают все пространство. Негде ступить ногой. Душный, смрадный воздух стоит в подвале неподвижно. Тишину нарушают лишь тяжелые вздохи и бормотание во сне спящих. Изредка кто-нибудь, проснувшись, шагая через тела, подходит к параше, стоящей у двери, и возвращается на место.

Вдруг послышался лязг отпираемого замка и скрип двери. Все в подвале немедленно вскакивают, точно и не спали. Каждый про себя думает, не за ним ли идут. Но нет, это привели новых арестованных – новую партию контрреволюционеров. Красноармейцы пропускают в подвал новый десяток людей. Входят несколько бородатых, неуклюжих крестьян с мешками на плечах. Какой-то интеллигентного вида человек с чемоданчиком в руке: не то чиновник, не то коммивояжер и, наконец, старый деревенский поп, одетый в такой же дряхлый, как и он сам, тулуп.

Новоприбывшие вошли и боязливо высматривают, куда бы приткнуться. Старые обитатели придвигаются плотней, подбирают ноги и освобождают место для пришедших.

Какой-то шутник поздравляет прибывших с новосельем.

Прошло несколько минут. Уже мешки нашли себе место, и прибывшие, вытащив кисеты с деревенской махоркой, заворачивают собачьи ножки и предлагают табак соседям.

Кто-то задает вопрос: «Откуда, земляки?»

– Щадринские, камышовские, – слышны ответы. Находятся земляки, и разговор принимает оживленный характер.

– А кто его знает, за что посадили? За контру эту самую. А какая контра, и сам не знаю. Одно известно – весь хлеб отобрали вчистую. Семья нынче сидит голодом, а весной сеять будет нечего, – отвечает устало, безнадежным голосом один из прибывших.

Докурили сигарки и вновь укладываются спать. Воздух стал еще тяжелее от зловонного дыма махорки.

Начинает рассветать. Приходит дежурный комендант. За ним два красноармейца несут большой ящик с хлебом, нарезанным ломтями. Каждый подходит и по списку получает дневную порцию – полфунта черного хлеба. Другие красноармейцы вносят бак с кипятком, и начинается чаепитие.

После завтрака арестованные садятся группами и, закулив, делятся своими мыслями. Каждый рассказывает, за что его арестовали, и старается доказать, что за ним нет никакой вины, точно от убеждения собеседников зависит его освобождение. Так продолжается до сумерек. Вновь открывается дверь, и опять появляется дежурный комендант с листом бумаги в руках. За ним видны красноармейцы.

– Иванов, Петров, Сидоров... выходите с вещами на допрос.

Вызванные, наружно радуясь и улыбаясь, собирают шмотки и идут к выходу. На самом же деле в душе у них были тяжелые сомнения. Почему на допрос с вещами? Не ведут ли их расстрелять? Думают и улыбаются. Что же делать?

Дверь захлопнулась за ушедшими. Оставшиеся с напряжением ждут. Что будет с ушедшими? Если в течение двух часов они пройдут мимо окон подвала, то значит, что их или освободили, или же перевели в исправительный дом. Если же нет, то это значит, их вели в конюшню.

Но вот проходит час. Слышен шумный топот под окнами. Проходят арестованные под конвоем. Их ведут в исправдом, в тюрьму. Какие счастливы: они будут сидеть в тюрьме. Они останутся живы и, может быть, даже выйдут на свободу. А здесь, в подвале... горе оставшимся здесь.

Уже поздно. Наверное, не меньше 10 часов вечера, в подвале старики, подложив под головы мешки с сухарями, спят. Поп также заснул, сидя у стены и опершись о нее спиной. Наиболее молодые молча сидят и, уныло глядя в сторону, курят. Вдруг слышится топот ног за дверьми и звук отодвигаемого засова. Входит дежурный комендант.

– Иванов, Петров, Сидоров... на допрос к следователю, – кричит он, делая веселое лицо.

– С вещами или без вещей? – спрашивают неуверенным голосом некоторые коменданта.

– Лучше с вещами. Может, после допроса сразу освободят, не ворочаться же, – бурчит комендант, отводя лицо в сторону.

Начинаются сборы. Дежурный потирает глаза. Ведь следователь ждет.

– Ну, прощайте, братишки, может, и не увидимся больше, не поминайте лихом, – прощаются уходящие.

Некоторые на прощание целуются с оставшимися. Поп, проснувшись от шума, смотрит удивленными, непонимающими глазами на эту сцену и часто крестится.

Ушли. Дверь захлопнулась. Все опять сидят на своих местах, но никто больше не спит. Сон пропал. Каждый думает о своей участи. Вот увели этих на казнь. Когда придут за ним. Может быть, сегодня же.

Во дворе губчека, в дальнем углу у самой стены находилась конюшня. Это был длинный, темный сарай, где в одном углу были привязаны обслуживавшие ЧК лошади, а в другом, ближе к выходу, навалена огромная куча навоза.

Вот ведут из комендатуры по двору двух крестьян. Руки их крепко связаны назад веревками. За каждым из них идет комиссар в кожаной куртке, брюки галифе, и в правой руке наган. Несмотря на снег и стужу, крестьяне полураздетые и без шапок. Зачем им одежда, что им холод? Их ведут на казнь. Через несколько минут их не будет в живых. Дошли до дверей конюшни. Один покорно входит, а другой вдруг остановился на минутку у дверей и неожиданно для комиссара рванулся от дверей и стал кричать. Точно он только что понял, что это его последний час. Он кричит, или, вернее, воет и плачет, и хочет вырваться куда-то. Но комиссар уже крепко держит его сзади за веревку и толкает к дверям конюшни. Они уже внутри у самой двери конюшни. Следом раздаются выстрелы в глубину. И все смолкло. Выходят, пряча револьверы в кобуры, палачи. Дрожащими руками закуривают папиросы «Зефир» и спешат в комендатуру за новыми жертвами.

В подвале арестованные не могут слышать криков и выстрелов в конюшне. Их слышит конюх из арестованных, спящий тут же, в конюшне. Он только приподнимает голову на минутку и смотрит на дверь широко раскрытыми глазами, полными ужаса, и затем внезапно прячется глубже в полушубок и лежит неподвижно до утра.

Слышны эти крики и наверху, в губчека. Хромцов, услышав вопли, на минутку замирает, а затем, вскочив, подбегает к шкафчику и, вытащив бутылку со спиртом, жадно тянет прямо из горлышка. Председатель Тунгусков торопливо закуривает новую папиросу, а Штальбег спокойно пудрит лицо реквизированной пудрой.

Красноармейцы поспешно бросают тела убитых на дровни, присматриваясь к валенкам, которые почище. Дежурный комендант торопит их, так как нужно до рассвета вывезти трупы за город и закопать в заранее приготовленных ямах.

Наутро комиссары идут домой отдыхать после ночной работы. Под мышками у них узелки. Это все, что они нашли ценного у убитых крестьян.

Контрреволюция уничтожена. Да здравствует власть рабочих и крестьян!

Глава 5. Сонька «Незолотая Ручка»

Я в Бухаре. Официально я устроился на службу начальником разведки в штаб Бухарской армии, фактически же я начальник агентуры нелегальной чека в Бухаре.

Повсюду на территории Бухарской народной республики⁵ свирепствует восстание против бухарского правительства. Перед нами стоит задача выяснить причины этого движения, а главное же – источники, которые поддерживают восставших.

Я проживал одновременно на двух квартирах. В Старой Бухаре я занимал две комнаты в казенном помещении недалеко от штаба армии, а в Новой Бухаре, расположенной в 12 верстах от Старой, занимал номер в единственной еще функционирующей гостинице «Европа». Это была небольшая комната с двумя дверьми, выходящими одна в коридор, а другая в смежный номер. Последняя была заставлена платяным шкафом.

Соседний номер занимал нелегальный резидент ЧК Окотов, проживавший по документам делопроизводителя какого-то учреждения и носивший фамилию Петров. Я, как и многие другие, был подчинен УЧК.

Я сидел поздно вечером в своем номере и составлял сводку сведений, полученных за день. Раздался троекратный стук в шкаф у смежной двери. Я встал, повернул ключ и открыл дверь шкафа. Оттуда вышел Окотов и сел на свободный стул. Это был высокий, худощавый мужчина с бритым продолговатым лицом и вдумчивыми, умными глазами. При людях мы никогда не встречались и делали вид, что незнакомы. Только по ночам он открывал смежную со мной дверь и через шкаф, задняя стенка которого была разобрана, проходил ко мне.

– Ну, что у тебя новенького? – спросил он, устало скользя взглядом по бумагам на столе.

– Ничего особенного, вот сводку для тебя составляю, – ответил я, откладывая бумаги в сторону.

– Ты помнишь, я как-то развивал теорию, что на Востоке при помощи хорошенькой, неглупой женщины можно многое сделать. Так вот, я тебе скажу, сегодня утром я встретил такую женщину, которая точно создана для нашей работы.

Тут у Окотова, против обыкновения, оживилось лицо.

– Да, совершенно случайно я встретил то, что нам нужно.

– Кто же это такая? – спросил я. – Уж не завлекла ли она тебя в свои сети, – смеялся я, ибо знал, что Окотов не из того теста сделан, чтобы увлекаться женщинами.

– Да нет! В том и дело, что я и сам не знаю, кто она, и даже не мог выяснить ее адреса. Да вот я лучше расскажу тебе по порядку. Сегодня утром, когда я сел в поезд, чтобы ехать в Старую Бухару, по обыкновению все места были заняты, и пришлось торчать на переполненной площадке вагона. Я стоял у самого выхода и смотрел на проходившие перед глазами декханские

---

⁵ Бухарская народная советская республика (БНСР) – провозглашена на территории бывшего Бухарского эмирата 8 октября 1920 г. Высшие органы власти – Всебухарский ревком во главе с А. К. Мухитдиновым и Совет народных назиров. В состав последнего вошли наряду с коммунистами представители других партий. Возглавлял Совет Ф. Ходжаев. В октябре 1920 г. правительство РСФСР признало БНСР суверенным государством. 4 марта 1921 г. в Москве делегация БНСР во главе с М. Мансуровым заключила между РСФСР и БНСР союзный договор и экономическое соглашение. В марте 1921 г. правительство республики заявило о своем намерении жить в полном согласии с Афганистаном. С конца 1920 г. до середины 1921 г. правительство РСФСР выдало БНСР безвозмездную денежную ссуду в сумме 4 млрд руб. и в дальнейшем выдавало по 2 млрд руб. ежемесячно, поставило мануфактуру, нефть, железо, медикаменты и другие товары. БНСР обязалась поставлять для текстильной промышленности РСФСР хлопок, шерсть и другие продукты сельского хозяйства. Правительство республики провело ряд преобразований: поэтапно осуществлялась конфискация эмирских и бекских земель и передача декханам; для решения национального вопроса были созданы специальные отделы при правительстве; провозглашено равноправие женщин. В сентябре 1921 г. утверждена конституция республики. 9 сентября 1924 г. БНСР перестала существовать как суверенное государство и была преобразована в Бухарскую советскую социалистическую республику (БССР). БССР ликвидирована в процессе национально-государственного размежевания республик Средней Азии: частично территория ее вошла в состав Узбекской, а частично – состав Туркменской и Таджикской ССР.

поля. Ты ведь знаешь, что я бывший эсер и не могу равнодушно смотреть на вспаханную землю. А тут еще эта живописная картина. Бухарцы в ярких, пестрых халатах с подобранными полами, босиком, топчутся в грязи, и в то же время на головах белые, как снег, тюрбаны. Работают, как во времена фараонов, примитивным способом засевая на своих маленьких клочках земли табак, хлопок, рис. Поневоле я смотрел на эту картину и думал: какой черт нас сюда занес устраивать мировую революцию. Не лучше ли оставить их в покое. Эх! Как только покончу с Бухарой, вернусь и сейчас же подам рапорт об увольнении. Хватит, больше нет сил.

– Ладно, это ты потом, – перебил я его. – А где же девочка, я все-таки не вижу.

– Да, так вот, стою я и вдруг слышу, за спиной какая-то женщина оживленно разговаривает, как видно, с двумя мужчинами. Уже по ее голосу я подумал, что она должна быть молодая, красивая и вдобавок умная женщина. Я не хотел оборачиваться. Мне хотелось попробовать угадать ее внешность, поэтому я продолжал слушать беседу, стоя к ним спиной. Из разговора я заключил, что у нее колоссальные знакомства в Бухаре и что она знает туземный язык. Поезд подходил к станционному семафору Старой Бухары, и через пару минут мы должны были быть на станции. Я обернулся и сразу встретился лицом к лицу с молодой женщиной с редким красивым лицом еврейки, с черными, как маслины, жгучими глазами. Из-под черной шляпки выбивались иссиня-черные густые волосы. Одета она была в черное же пальто и темно-синее платье. На шляпе я заметил три позолоченных квадрата, прикрепленных с правой стороны. Поезд остановился у станционной платформы, и она вышла в сопровождении собеседников на перрон. Я вышел за ними и, пройдя мимо, услышал, что ее спутники, прощаясь, называли ее Софья Владимировна. Вот все, что я узнал о ней.

– Немного, в сущности, – подумав, сказал я.

– Да, но ты знаешь мое чутье. Я уверен, что эта женщина нам будет полезна. Надо только ее разыскать.

– В том-то и дело. Но как? Мы здесь всего три недели. Агентурный аппарат ничтожный, а знакомств, в сущности, никаких, за исключением пары коммунистов, – возразил я.

– Однако давай попробуем, – начал опять Окопов. – Во-первых, что мы знаем о ней? Так как она ехала утренним восьмичасовым поездом, то, значит, она служит где-то в Старой Бухаре, поэтому ее можно встретить каждое утро на станции. Затем мы знаем ее наружность, и главная примета – это шляпа с квадратиками. Наконец, мы знаем, что ее зовут Софья Владимировна. Исходя из этих данных, пожалуйста, завтра же дай задание агентуре выяснить ее фамилию, место жительства и место службы, – добавил он уже начальническим тоном.

– Слушаюсь, – ответил я и придвинул к себе бумаги.

– Ну, я пойду к себе работать. Когда закончишь писать сводку, положи в шкаф, – сказал Окотов и скрылся тем же путем, каким пришел.

Я продолжал работать. Закончив сводку, я сжег все вспомогательные бумажки. Заперев сводку в шкаф, я положил ключ в карман, оделся и вышел через наружную дверь из отеля. Я спешил к двухчасовому ночному поезду, чтобы под утро быть на своей официальной квартире в Старой Бухаре.

Спустя два дня я опять сидел в «Европе» с Окотовым и докладывал ему, что за это время было сделано. О Софье Владимировне моей агентуре удалось выяснить, помимо всего того, что требовалось, также то, что она являлась невестой адъютанта военного министерства, который, по нашим сведениям, был начальником секретной агентуры при Совете народных назиров.

Получив нужные сведения, Окотов решил написать ей письмо с приглашением встретиться с ним.

– Вот увидишь, я ее завербую, – говорил он уверенно.

Я в душе не соглашался с его тактикой и думал, что его письмо останется без ответа, но я видел, что возражать бесполезно, и молчал.

Письмо было послано. Свидание было назначено в его комнате в отеле, и я должен был, сидя в своем шкафу, быть невидимым свидетелем встречи.

Вопреки моему ожиданию Софья Владимировна согласилась на встречу и пришла в назначенное время. Войдя в комнату, она сразу обратилась к Окотову со словами:

– Слушайте, я получила ваше письмо. Я не думаю, чтобы вы по пустякам назначали свидание. Я уверена, что вы серьезный человек и начнете прямо с дела, по которому вы меня вызвали.

Окотов, ошеломленный, начал говорить, что, в сущности, у него нет никаких дел, что он ее часто видит и она ему настолько понравилась, что...

– Я не пришла слушать ваши любовные признания, – прервала она его и, повернувшись, ушла, сердито хлопнув дверью. Я вышел из засады и нашел Окотова сидящим в удрученном состоянии. Мне стало жалко его за неудачу.

– Послушай, Коля, – сказал я, – дай мне взяться за нее, и ты увидишь. Разреши только недельку заняться ею.

– Нет, я сам. Посмотрим, чья возьмет, – отрезал он. Я вышел. На следующий день моя агентура сообщила, что «Сонька» (она уже получила кличку) играет активную роль в разведке Совета народных назиров. Еще через два дня, когда я пришел в «Европу», нашел печально сидящего за бутылкой коньяку Окотова. Он пил редко, почти никогда.

– Что случилось? – спросил я.

– Дело дрянь, я сегодня целый день не могу выйти дома. Я все время вижу за собой слежку. Вероятно, расшифрован, и мне нужно выехать, чтобы не провалить других. Я ему передал новые сведения о «Соньке».

– Так вот кто натравил на меня шпииков, – воскликнул он. – Ну, братишка, возьмиись за нее. Мне все равно теперь нельзя выходить на улицу, – предложил он мне.

Чудный южный мартовский день. Солнце еще не греет, а только ласкает своими лучами, напоминая весну на севере. К пятичасовому поезду из Старой Бухары в Каган собралась масса народу. Тут главным образом служащие, возвращающиеся со службы в Каган, где и живут. Много женщин, приехавших в Старую Бухару за покупками, и, наконец, немало и узбеков, ушедших в Каган⁶ провести вечер, а может быть, и ночь вдали от семей и знакомых.

Толпа частью разгуливает по перрону. Многие делали покупки у уличных торговцев сладостями и фруктами, которые толпятся у вокзала с лотками на головах, большая очередь стоит у билетной кассы.

Я издала слежу за «Сонькой», прогуливающейся по перрону с каким-то пожилым человеком. На ее лице неучастующее выражение, из чего я заключаю, что собеседник ей не интересен и она не прочь от него избавиться, продвигаюсь к ней ближе. Наконец, она, не прощаясь, отходит от своего спутника и направляется к торговцу миндалем.

– Извиняюсь, если не ошибаюсь, вы мадемуазель Кацман? – обратился я к ней.

– Да, а в чем дело? – спросила она, окидывая меня удивленно-любопытным взглядом.

– Я начальник разведки Бухарского штаба. Мне нужно поговорить с вами по одному очень важному делу, – отрекомендовался я.

– Пожалуйста, говорите, я вас слушаю.

– Видите ли, – начал я, – здесь неудобно говорить, ибо, повторяю, дело очень важное. Не согласитесь ли вы поехать со мною в штаб, где мы спокойно могли бы поговорить, – предложил я.

– Нет, – ответила она, взглянув на часы на руке, – я опоздаю к поезду.

– Это поправимо, – сказал я. – Вы сможете поехать в Каган на штабном фэртоне. Я думаю, что так даже приятнее будет ехать.

---

⁶ Каган (до 1935 г. – Новая Бухара) – город с 1929 г. центр Каганского района Бухарской области Узбекской ССР.

Подумав немного, она согласилась.

Мы сидим в моем кабинете при штабе, роскошно обставленном мебелью и коврами, вывезенными из дворцов бывшего эмира бухарского.

– Так вот, Софья Владимировна... – начал я.

– Откуда вы знаете, как мое имя, отчество? – перебила она меня.

– Мы многое знаем, на то мы и разведка, – продолжал я. – Мы знаем, что вы хорошая патриотка, что вы очень умная женщина и что у вас большие знакомства. Наконец, нам известно, что вы обладаете настойчивостью и при желании всегда добьетесь ваших целей. Поэтому, needing в вашей помощи, я и решил прямо обратиться к вам.

– Чем же я могу быть полезной, – уже более мягко сказала она, польщенная моими словами.

– Я хочу просить вас принять участие в нашей работе и надеюсь, вы принесете очень много пользы. Особенно ценя вас, я предлагаю вам сразу исключительные условия. Я готов платить вам пятьдесят рублей золотом за каждый рапорт. Так что если в месяц вы дадите 30 рапортов, это составит 1500 рублей золотом, или 30 миллионов на нынешние бухарские деньги. Конечно, в вашей работе понадобятся непредвиденные расходы. Вам также нужно будет иметь хорошие туалеты. Это все также будет оплачиваться нами, – соблазнял я ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.